

УДК 82 + УДК 81.23

СТИХОТВОРЕНИЯ О ЛЕСЕ В КОНТЕКСТЕ ЛИРИКИ А.А. ФЕТА (К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ТВОРЧЕСТВА)

© 2013 г.

А.Р. Лукинова

Московский городской психолого-педагогический университет

allareinold@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Особенности стихотворений А.А. Фета о лесе разных периодов творчества рассматриваются с позиций психопэтики. Исследуются значения языковых и поэтических форм и связанные с ними мировоззренческие открытия лирики А.А. Фета 1859–1866 гг.

Ключевые слова: лес, солнце, метафора, прозрение, поэтика возвращения.

I

Обращаясь к поэзии А.А. Фета, часто ограничиваются определением, данным поэтом в стихотворении «Ласточка» самому себе: «*Природы праздный соглядатай*» [1, с. 43]. Но изучение изображения отдельных явлений и сил природы в произведениях Фета заставляет задуматься о постоянном появлении новых смыслов, связанных с ними.

Так, лес в ранней лирике Фета (в 1840-х гг.) обычно упоминается при обращении к другим природным явлениям, и его характеристике посвящается полстроки или одна строка: обычно передается наиболее характерная деталь, связанная с лесом (шапки снега на ветвях, зубцы вершин и т. п.), и главным в этот период оказывается само упоминание о лесе как реалии национальной жизни, например:

*На пажитях немых
люблю в мороз трескучий
При свете солнечном
я снега блеск колючий,
Леса под шапками иль в инее седом
Да речку звонкую
под темно-синим льдом... 1842 [1, с. 94].*

*Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник
на влаге созерцает. 1847 [1, с. 157].*

*Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен
в лунный свет... 1847 [1, с. 21].*

Лес как «очеловеченное поэтом единство» [2, с. 23], по выражению Б.Я. Бухштаба, пока-

зан в стихотворении «Я пришел к тебе с приветом ...»:

*...Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой ... 1843 [1, с. 211].*

Подобная, но более масштабно переданная и осознанная в ее связях с человеком и космосом цельность жизни леса как особого мира появится в поэзии Фета через двадцать лет, в стихотворении 1863 г., – в ранней лирике намечались пути ее дальнейшего развития.

II

В 1850-е гг. возможности изображения природных явлений в поэзии Фета расширяются: необычайный размах и оригинальность получают метафоры, возникающие вследствие визуального наблюдения картины, которая недолго держится в постоянно изменяющемся мире. В результате лес предстает в неожиданных, не встречавшихся до сих пор в поэзии ракурсах. Так, в стихотворении «Над озером лебедь в тростник потянул...» лес показан опрокинутым в воде и изогнувшимся между небом и водой:

*Над озером лебедь в тростник потянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес. 1854 [1, с. 216].*

По мнению Б.Я. Бухштаба, в этом стихотворении «внешний мир <...> изображается все же в том виде, какой ему придало настроение поэта, и таким образом выражает то настроение. Лес описан таким, каким он представился взгляду поэта: не только лес и его отражение взяты как одно, как лес, изогнувшийся между двумя рядами своих вершин, примыкающих к двум небесам, но не сделано никакой поправки на законы отражения

(*изгибаясь*) и перспективы (*в заре потонул*)» [2, с. 23]. Но, думается, речь должна идти о том, что настроение поэта возникло под влиянием визуально воспринятого *такого* леса. Перед нами метафора, возникшая в толще жизни воображения поэта на основе обыденного, для того чтобы точно передать непередаваемое кратковременное состояние природы и чувство, им вызванное, через увиденное сходство (странное для бытового, непозитического мышления) и таким образом «достигнуть истинного проникновения в реальность» [3, с. 417].

Первоначальное название стихотворения «На озере», данное при первой публикации (в т. 45 журнала «Современник» за 1855 г.), и мысль о связи состояния природы и чувства человека сближает его с одноименным произведением Гете. Однако сам факт появления образа отраженного в воде весеннего леса придает произведению национальную окраску, а импрессионистический способ его изображения, когда метафорический смысл возникает из фотографически точного запечатления картины текущей жизни природы, несет черты индивидуальной поэтики А.А. Фета.

Дождь изменяет цвета, запахи и звуки в стихотворении «Весенний дождь» (1857), а вид леса, который, возможно, сохранялся в природе в течение нескольких секунд, дан сквозь завесу дождя, освещенного солнцем:

*От неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса* [1, с. 77].

В стихотворении «Опять незримые усилья...» (1859) находим редко встречающееся в поэзии Фета явление: метафоры, следующие одна за другой. Солнце и речка уподоблены необычайно активно действующим существам, и возникает вид на лес и реку с высоты. Экспрессия импрессионистической картины усиливается игрой контрастных цветов: в лесу это черные круги на белом снегу, на реке – белые льдины на стальной воде:

*Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.*

*И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей* [1, с. 77].

Яркость алой зари корреспондирует с блеском снега, их сближает рифма *алый-небывалый*, рождающая повтор слова *алый* и создающая дополнительную вертикальную синтагматику, подчеркивающую глубинные связи происходящего в небе и на земле:

*Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем сильнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.*

Можно отметить обобщенный смысл изображенного: в этом стихотворении точно улавливается время начала таяния снега вокруг нагретых солнцем стволов деревьев (конец марта); в стихотворении «Над озером лебедь в тростник потянул...» – более поздний период весны, половодье (обычно конец апреля), когда воды от растаявшего одновременно льда и снега становится так много, что в ней отражается лес (опрокидывается). Метафоры, связанные с необычным ракурсом изображения леса в рассмотренных стихотворениях, выражают внутреннее осознание поэтом природных оснований национальной жизни при конкретизации их связей со временем, а также с большей степенью детализации, чем в предыдущий период.

Еще одной важной особенностью изображения леса в поэзии Фета 1840–1850-х гг. можно назвать «исключительную глубину перспективы при необычайной четкости деталей» [4, с. 42], проявляющуюся как невозможность восприятия земного явления, каким является лес, вне огромного пространства *небес*. В поэзии 1850-х гг. усиливается впечатление их взаимосвязи: лес изгибается между *двух небес*, завеса дождя *от неба до земли*, солнце обводит *черными кругами в лесу деревья* и т. д.

Но у А.А. Фета есть стихотворения, в которых лес показан принципиально иначе: не со стороны, а изнутри, то есть с точки зрения находящегося там человека.

Самое раннее из них – «Лес» (1854) – переполнено деталями разного плана, передающими движения, звуки и краски леса. Здесь действуют уже не некие обобщенные *птицы* или *пернатые*, а *стучит вертлявый дятел, заяц серебристый*, не просто упомянута белка, а *мелькает белки хвост пушистый, сосна, поросшая мхом, путь заглож и одичал, позеленелый мост*. Лес попавшему туда человеку любопытен своей особенной, чуждой ему жизнью: это *мрачный бор*, и поэтому он полон диких зверей и там можно встретить то, чего никогда не бывает вне этого мира: *Гниет столетний лом, гранит чернеет, позеленелый мост упал и лег, скосясь...* [1, с. 220–221]. Так в поэзии Фета начинается постижение леса как особенного мира, живущего по своим законам.

III

В 1859 и 1863 гг. созданы иные по своим поэтическим доминантам произведения, в которых нарастает ощущение скрытых возможностей леса как особого цельного мира. Во-первых, это стихотворение «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...» (1859) из раздела «Мелодии».

Сразу обращает на себя внимание графика этого стихотворения: его строки разной длины как игра огня (правильный четырехстопный анапест чередуется с трехстопным). Сама форма стихотворения переменчива, как пламя. Но этот вывод связан только с первым впечатлением, и можно обнаружить иные связи формы стихотворения, его смысла и переданных в нем чувств. И ритм, и чередующиеся строки разной длины связаны со стремлением автора передать внутренние колебания, душевная смута, изменчивость настроения и состояния человека, а главное – мысль о том, что мир не статичен и не неизменен и развитие совершается не по одному варианту.

Эти смыслы выявляет и центральная метафора стихотворения: костер – солнце в лесу. Н.В. Павлович выделяет в мировой литературной традиции парадигму сопоставлений *огонь – солнце*, в которую входит образ из стихотворения Фета [5, с. 442]. Как сравнение костра с солнцем имеет переносное значение путеводного, возможно, воскрешающего начала, благотворно воздействующего на душу человека, так и последующее описание влияния стихии огня на человека имеет не только прямой смысл (обогреться), но и переносный (окрепнуть душой):

Я и думать забыл про холодную ночь, –

До костей и до сердца прогрело;

Что смущало, колеблясь, умчалось прочь.

Будто искры в дыму, улетело [1, с. 122–123].

В стихотворении появляется мысль о спасительном влиянии на человека атмосферы ночного леса, *шатающегося* ельника (еще одна связь с графикой стихотворения!), к тому же окружающего поляну с костром, то есть создающего отгороженный мир, сберегающий счастливое состояние человека и лечащий его душу. Во второй строфе два глагола прошедшего времени имеют перфектное значение совершившегося действия, подчеркивая состояние уверенности: *Что смущало, колеблясь, умчалось прочь, Будто искры в дыму, улетело.*

В третьей, четвертой и пятой строфах стихотворения появляются глаголы будущего времени и сюжет разворачивается в плане предвидения. Представление о костре-солнце,

который днем утрачивает качества солнца и не греет, не ведет, не возрождает, а *теплится скупю, лениво*, перекликается (при повторе слова *лениво* и использовании синонимов *теплится – мерцает*) с безотрадным выводом об утраченных надеждах, переданным символически, через образ изогнувшегося черного пня над холодной золой:

И лениво и скупю мерцающий день

Ничего не укажет в тумане;

У холодной золы изогнувшийся пень

Прочернеет один на поляне.

По сведениям Б.Я. Бухштаба, «стихотворение было написано без 4-й строфы окончательной редакции; она приписана в рукописи впоследствии» [6, с. 740]. Думается, приведенная здесь 4-я строфа выделяется своими резко очерченными образами-символами мира житейской суеты, которая губит не только душу человека, но и костер-солнце и поэтому противопоставлена им. Это вызывает мысль о родственном характере души и солнца, которая еще через двадцать лет будет выражена прямо в других, казалось бы, далеких от этого «лесного» стихотворения произведениях Фета, например, «Не тем, Господь, могуч, непостижим...» и «Далекий друг, пойми мои рыдания...», оба 1879 г. Думается, что, как и многие мотивы, образы и идеи поэзии Фета, эта мысль является прорывом в будущее, в частности предвидением горьковских *детей солнца*, то есть сближает творчество Фета с русской литературой XX в.

Повторное описание костра в последней строфе стихотворения, основное отличие которой от первой состоит в переносе временного плана в будущее, передает ощущение уверенности, которое, однако, должно поддерживаться возвращением к лесному костру-солнцу.

Для стихотворений А.А. Фета, созданных в период 1859–1866 гг., характерна мысль о «скрытых связях личности с мировым бытием» [7, с. 14], противопоставленным быту, что, в частности, выражается в обращении к образу солнца во всей его многозначности. Так, в стихотворении 1864 г. «Измучен жизнью, коварством надежды...» появляется образ *солнца мира*, имеющий сложную семантику, ядром которой является представление современной Фету науки о едином для всех галактик центре Вселенной. Как и костер, пламенеющий в лесу *ярким солнцем*, центральная звезда является источником уверенности человека в целесообразности жизни, который дает возможность свободного дыхания, несмотря на кошмар повседневности:

*Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.*

И далее, в конце стихотворения:

*И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить
и дышать мне не больно [8, с. 19].*

В 1863 г. Фет создает единственное в его поэзии стихотворение, полностью посвященное лесу и отражающее представление о нем как особом и мощном мире: «Солнце нишет лучами в отвес...». Лес показан подобным морю, что сближает его с «морскими» стихотворениями этого периода, такими как «Море и звезды» и «Волна», в которых речь идет о благотворном влиянии моря и звезд на человека и о созвучии его души гармонии Вселенной. Отсюда определенная лексика стихотворения о лесе: *в этом море исчез, потонул* [1, с. 127] – имеющая не значение ‘погибнуть’, а обратное – ‘спастись’, так как соединено с восхищением перед лесом, с просьбой *распахнуть объятия* и с основным определением леса – *душистая тень*. Поясним, что определение *душистый* в поэзии Фета всегда несет позитивный смысл и выделяет предмет из общего ряда как наилучший [9, с. 142]. В стихотворении «Солнце нишет лучами в отвес...» возникает также образ свободного вздоха: *чтоб и мне было сладко вздохнуть*, сближающий его со стихотворением «Измучен жизнью, коварством надежды...». Казалось бы, создается контекст, смысл которого – спасение человека в обращении к мощному природному явлению.

Но лес в этом стихотворении, в первый и единственный раз в поэзии Фета столь мощный, оказывается, однако, в отличие от других природных явлений, пассивным по отношению к человеку, видящему в нем спасительную силу. Человек молит лес дать ему возможность *сладко вздохнуть*, то есть спастись в лесу от своей беды, – но отклика не получает. Здесь, на первый взгляд, все как и в других стихотворениях 1859–1866 гг. (о звездах, центральной звезде, костре-солнце, море), но в результате – наоборот: лес, то есть природное явление, которое может, как и остальные, быть спасительным, не становится таким.

В стихотворении появляется иной в сравнении с предыдущими произведениями образ солнца, на равных взаимодействующего с лесом. В связи с этим отметим рифму *отвес-небес-лес*, несущую мысль о «пространственном

единстве мира» [4, с. 42], заставляющую вспомнить о вертикали, соединяющей небесные и земные явления. Но солнце здесь – работник или даже воин, слишком интенсивная деятельность которого может быть губительной для человека, который поэтому обращается к лесу за спасением:

*Солнце нишет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины дальних небес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес! [1, с. 126]*

Активность действия природных явлений напоминает поэзию Б.Л. Пастернака, а изображение их единства и взаимовлияния (*Солнце нишет лучами в отвес, И дрожат испарений струи У окраины дальних небес*) и желания человека *исчезнуть в этом мире* близко представлению, переданному в произведениях С.А. Есенина. Мир леса манит человека и многое обещает, но что кроется за его внешней притягательностью? Думается, стихотворение отражает настроение поэта: желание убежать от всепроникающей и убийственной для жизни духа мелочной суеты жизни – и невозможность это сделать, запрет в самый последний момент. И одновременно – это, как и предыдущее, стихотворение-прозрение, в некоторых деталях близкое поэзии начала XX века с ее вчувствованием в жизнь природы. Но мысль поэта, именно в силу его необычайной способности уйти от обыденных смыслов в область метафорических сближений, точнее отражает реальность и устремляется дальше – к интенсивности жизни XXI в., губительной для человека. Фет угадывает страстное интуитивное стремление приблизиться к природе, в том числе к лесу, как к спасению, при том, что мир природы становится все более чуждым незнакомцем, от которого не знаешь, чего ожидать.

IV

Позже, когда мысль о природе как спасении для человека и источнике его силы уйдет из поэзии Фета, вытесненная осознанием собственных возможностей, стихи о лесе тоже перестанут появляться. Останутся отдельные упоминания о нем как отголоски поэзии 1840–1850-х гг., значительно более редкие, хотя иногда и более емкие, чем в ранний период. Однако даже в такого рода строках о лесе можно уловить новые смыслы и коннотации.

Так, образ леса в стихотворениях «После бури» (1870) и «Я пришел к тебе с приветом...» (1843) рождает представление о единстве и свежести, но в позднем подчеркнута отсутствие

движения, которое составляет суть раннего стихотворения. Зато через такой образ леса передано уникальное впечатление ожившего времени:

*Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется. –
Час спасенья, яркий, нежный,
Словно плачет и смеется.*

В стихотворении «С гнезд замахали крикливые цапли...» (1883) Фет возвращается к образу опрокинутого в воде леса: *Солнце, с прозрачных сияя небес, В тихих струях опрокинуло лес* [1, с. 81]. Возникает резко подчеркивающая динамику происходящего метафора, нуждающаяся в расшифровке из-за одного пропущенного элемента, то есть указания, откуда в лесу *тихие струи* (это растопленный солнцем снег и лед разлившихся рек). Так соединены детали двух стихотворений 1850-х гг.: «Над озером лебедь в тростник потянул...» (1854) (*в воде опрокинулся лес*) и «Опять незримые усилья...» (1859) (*солнце черными кругами в лесу деревья обвело*). Но, думается, в стихотворении 1883 г. констатация факта заменила прежние импрессионистически дерзко переданные картины жизни природы, казавшиеся нереальными и неясными современникам Фета и, однако, пленяющие до сих пор.

Прежнее осмысление леса как реалии национальной жизни сохранилось в поздней поэзии Фета. Например, оно явно передано в стихотворении «Из дебрей туманы несмело...» (1886), но лес здесь назван *дебрями*, чего раньше не встречалось, то есть усилен мотив непроходимости леса, в котором можно заблудиться, подчеркнуты его неведомые возможности:

*Из дебрей туманы несмело
Покрыли родное село...*

Любопытно, что образ *Руси, окруженной дебрями*, в XX в. появился в поэзии А.А. Блока, и именно слово *дебри* стало его наиболее яркой символической составляющей.

Новый мотив, связанный с лесом, звучит в стихотворении Фета «Горная высь» (1886): *горная высь* открывается, *наступая на темный лес*, то есть *горная высь* предпочтительней *темного леса*, и оба противопоставленных образа имеют как прямое, так и метафорическое значение.

Мысль о счастливом влиянии лесного мира на состояние души человека внезапно по-новому зазвучит в стихотворении 1891 г. «Ель рукавом мне тропинку завесила...», не переходя, однако, на уровень широких философских обобщений, свойственных произведениям Фета 1860-х гг. Опять, как в стихотворении «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...», появятся чередующиеся строки разной длины,

корреспондирующие с лексикой, передающей, с одной стороны, переменчивые настроения: «Шумно, и жутко, и грустно, и весело...», а с другой – кружение листьев на ветру. Однако преобладает игра, шутка, веселье, буквально навязываемые человеку лесом: это передано ритмичным чередованием двусложных слов с шипящими и свистящими звуками и акцентируется рифмующимися словами *завесила – весело*. Возникает эффект омофонии, каламбура, благодаря которому ель в первой строке оказывается не просто одушевленной, а подшучивающей над героем, затеявшей игру, задающей тон.

Композиция стихотворения гармонична: выделяются две части, граница которых проходит в середине второй из трех строф. В 7-й строке из 12 возникает звук рога, выделившийся на фоне общего шума леса, постепенно нарастает его осознание как *сладостного, нежно приветствующего*, и переменчивое настроение сменяется отрадным, которое подготовлено и поддержано общим движением, игрой и шумом леса в первой части.

Думается, при сопоставлении с итоговыми строками стихотворения *Мертвые что мне листья!* открывается серьезный небытовой смысл метафоры *Ель рукавом мне тропинку завесила*: в результате оказывается перекрытой *тропинка*, ведущая к душевной смуте и грусти, а может быть, и к смерти.

Так поэтика возвращений создает неожиданную новизну поздней лирики А.А. Фета.

Список литературы

1. Фет А.А. Стихотворения, поэмы. М.: Правда, 1988. 480 с.
2. Бухштаб Б.Я. А.А. Фет // Фет А.А. Полное собрание стихотворений. М., 1937. С. 5–25.
3. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение, ощущение // Теория метафоры. М., 1990. С. 416–434.
4. Северикова Н.М. Мироззрение А.А. Фета // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1992. № 1. С. 35–45.
5. Павлович Н.В. Язык образов. М.: Азбуковник, 2004. 528 с.
6. Фет А.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. 897 с.
7. Касаткина В.Н. Движение художественного мировидения А.А. Фета // Русская словесность. 1996. № 4. С. 10–18.
8. Фет А.А. Полное собрание стихотворений. М.: Сов. писатель, 1937. 879 с.
9. Лукинова А.Р. Слово «душистый» в поэзии А.А. Фета // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 2. С. 139–145.

**FET'S POEMS ABOUT THE FOREST IN THE CONTEXT OF HIS LYRIC OEUVRE
(ON THE PROBLEM OF THE POET'S EVOLUTION)**

A.R. Lukinova

Some peculiarities of Fet's poems about the forest, which were written in various periods, are considered in the aspect of psychological poetics. The author focuses on the study of the meaning of linguistic and poetic forms and related philosophical discoveries in the lyric poetry by A.A. Fet of 1859–1866.

Keywords: forest, sun, metaphor, insight, poetics of return.